

На десятилетнем этапе этого отчета все становится немного менее интересным. К этому моменту единственной из наших куноичи, проявившей хоть какую-то форму сопротивления, была заключенная Сакура. Однако раз в десять лет я снова лично посещаю их лагерь. Поскольку к этому времени заключенные в основном следуют заученному распорядку дня, в этом отчете будут описаны мои личные посещения в этот десятилетний период.

Десятый год - Сакура Харуно:

После десяти лет отчеты о Сакуре стали немного скучными. Мне, честно говоря, нравились выходки этих куноичи в первое десятилетие их пребывания здесь, так что, когда они иссякли, стало скучно. Я решил провести личную инспекцию.

Как уже говорилось, рабочие лагеря находились невероятно далеко от наших населенных пунктов. Путь туда занимал целый день с упряжкой из двенадцати лошадей, поэтому до сих пор я не решался на личный визит. Я совершил марафонскую поездку во все четыре рабочих лагеря, когда куноичи были впервые размещены в них, и поездка была настолько утомительной, что я откладывал ее до сих пор.

Когда я прибыл в женский рабочий лагерь №1, мне провели краткую экскурсию по лагерю. За десять лет, прошедших с моего последнего посещения, единственным изменением было то, что кабинет начальника лагеря был заново отделан. Это было хорошо. У нас строгая политика - никогда ничего не менять в лагере, кроме как по необходимости. Душераздирающее однообразие неизменного лагеря и кажущаяся бесконечной рутина были частью процесса реабилитации. Если в распорядке дня что-то и менялось, то это почти всегда было связано с бритьем заключенных, повторным клеймением, когда их тюремные удостоверения исчезали, или телесными наказаниями за проступки. И, конечно, беременность, которая приводила к тому, что рутина, длившаяся десятилетиями, продлевалась еще на три месяца. В рабочем лагере рутина была всем. Все, что нарушало этот распорядок, приводило только к еще большей боли, что отбивало всякую охоту пытаться вырваться из системы. Это было очень эффективно.

Но я отвлекаюсь. После экскурсии меня отвели на участок каменного карьера, за которым в тот месяц была закреплена Сакура. Дежурные охранники предложили мне проверить, смогу ли я заметить ее среди заключенных, пока они работают сзади. С их близко посаженными головами (покрытыми каменной пылью, чтобы скрыть цвет волос), загорелой кожей и телами, отмеченными плетью, было трудно различить заключенных. Окончательно я опознал Сакуру только по выцветшему идентификатору заключенного, который был выбит на ее большой заднице.

Физически она сильно изменилась по сравнению с той бледной, вызывающей девушкой в возрасте около десяти лет, которую приговорили здесь. Сейчас Сакуре было двадцать семь, и она была в полном расцвете женских сил. Около дюжины беременностей сделали ее грудь

больше, а бедра шире. Десятилетие постоянного тяжелого труда сделало ее сильными руками, крепкими ногами и более объемным задом. Ее стройное тело гимнастки постепенно уступало место более грузному телу обычного рабочего. И действительно, с коротко подстриженными волосами и сильно загоревшей на солнце кожей она больше походила на крестьянку, чем на могущественную куноичи, когда-то бороздившую коридоры власти. Пожалуй, самая большая перемена произошла в ее глазах. Эти сердитые яркие зеленые лужи стали бледными и тусклыми. Это были глаза не бойца, а тупого зверя.

Я смотрел, как она с легкостью тащит два массивных ведра, наполненных камнями из карьера, а затем вываливает их, чтобы заполнить тяжелую шахтерскую повозку. Затем она стала толкать эту повозку обратно к месту стоянки - задача, для выполнения которой обычно требовались двое заключенных. Охранники сказали мне по секрету, что Сакура была одной из их самых сильных работниц, и что обычно они били ее плетью только для развлечения. Как я и предсказывал десять лет назад, мы получали от нее работу карфагенской лошади.

Охранники также сказали мне, что за десять лет постоянной ночной практики она стала лучше любой бордельной шлюхи. Я решил попробовать ее сам. Когда ее смена закончилась и солнце начало садиться, я подошел к преступнице. Когда она увидела меня, ее тусклые глаза, казалось, вновь обрели немного утраченной искры, она даже зарычала. Оказалось, что она помнила меня по своей обработке все эти годы назад. Она прекрасно знала, почему я к ней подошел, и, казалось, готова была отказаться... пока я не достал из кармана большую плитку шоколада.

Я навсегда запомнил выражение удивления на ее лице, когда я помахал шоколадом у нее под носом. Охранникам плохо платили, и они вряд ли захотели бы предложить что-то такое роскошное и дорогое, как шоколад, простому заключенному. Неважно, насколько хороша она была в трахе. Это была первая плитка шоколада, которую она увидела более чем за десять лет, и я с удовольствием наблюдал, как ее глаза следили за ней, пока я размахивал ею из стороны в сторону. Я сказал ей, что все это может быть ее... если она произведет на меня впечатление.

Все остатки гордости Сакуры рухнули. Без лишних слов она опустилась на колени и достала мой член из брюк. Она быстро и умело погладила его до твердости и взяла в рот. Ее руки были грубыми и мозолистыми от тяжелой работы, но ее губы и язык были теплыми и гладкими, когда ее голова двигалась вверх и вниз по моему члену. Ее рот был божественным, а ее язык делал то, о чем я даже не подозревал. Полагаю, это не должно было удивлять, в конце концов, у нее было десять лет практики. Прошло совсем немного времени, прежде чем мое семя пролилось в ее искусный рот.

Она стояла на коленях, глотала мою сперму и выжидающе смотрела на меня. Я любезно объяснил, что это очень большая плитка шоколада. Она сразу же все поняла. Она вылизала мой член до твердости, затем легла на свой спальный поддон и позвала меня присоединиться к ней. Ее киска была так же хорошо обучена, как и ее рот. Хотя она не была самой тугой из всех, что у меня были (что и следовало ожидать после десяти лет постоянного использования), она компенсировала это отличным контролем. Ее влагалище сжимало мой член, как тиски. Все время, пока я хрюкал над ней, она ворковала о том, какой я замечательный, как она благодарна, что такая преступная мразь, как она, удостоила ее своим членом. Умом я понимал, что это все притворство, но все равно это сильно заводило. Очевидно, такие разговоры были популярны среди охранников, и я мог понять, почему.

Ее киска мастерски высасывала из меня семя. В качестве последней "любезности" я вытащил член в последний момент, чтобы оросить ее лицо своей сущностью. Сакура не испытывала отвращения, она была жалко благодарна. Меньше груза в ее интимной области - меньше шансов забеременеть. Не то чтобы это имело значение при том количестве мужчин, которых она обслуживала. Она съела сперму со своего лица и вылизала мой член дочиста. Это было не просто хорошее обслуживание, это было практично. Сперма была источником белка, а в тюрьме приветствовалась любая еда. В качестве награды я дал ей две плитки шоколада. Она слопала одну прямо там и тогда со скоростью, которая заставила меня испугаться, что она подавится. Забытый вкус шоколада вызвал слезы на ее глазах.

Этот трах снился мне потом несколько дней. Она действительно была так искусна, как утверждали все отчеты, даже лучше. Знание того, какой важной Сакурой она была раньше и каких высот могла бы достичь, помогало возбуждать. Наверняка, когда она впервые нагло ворвалась в нашу страну, чтобы обокрасть нас, она и представить себе не могла, что в итоге будет торговать шоколадными батончиками!

После моего визита Сакура продолжала вести обычный образ жизни до конца года.

К десятилетнему рубежу этого отчета Сакура снова забеременела в среднем один раз в год, родив двух мальчиков и трех девочек. Три месяца принудительного выздоровления за каждую беременность увеличивали срок ее заключения еще на пятнадцать месяцев. Общий срок заключения Сакуры после отбытия срока: 22 года и 6 месяцев.

<http://erolate.com/book/1912/53734>